

Тациан Андрей Артемович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного университета
a.tashian@mail.ru

Tashchian Andrey Artemovich

Candidate of Philosophy,
associate professor of the chair of philosophy,
Kuban State University
a.tashian@mail.ru

Немчанинова Кристина Алексеевна

магистрант экономического факультета
Кубанского государственного университета
kristinabaschaschina@yandex.ru

Nemchaninova Cristina Alexeevna

graduate student of the faculty of economics,
Kuban State University
kristinabaschaschina@yandex.ru

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК СНЯТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НЕОБХОДИМОСТЬЮ В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

AESTHETIC AS WITHDRAWAL OF CONTROVERSY BETWEEN FREEDOM AND NECESSITY IN CRITICAL PHILOSOPHY OF I. KANT

Аннотация:

В работе рассмотрена «Критика способности суждения», заключительная часть «критической» системы одного из знаменитейших классиков XVIII века – Иммануила Канта, идеи которого послужили концептом для развития мысли. Некоторые постулаты его наследия в современной философии искусства принимают за аксиому. Философия есть собственная форма всеобщего духа; чувственное, как первая ступень познания, не является определяющим, но отброшено быть не может. Более того – чувственное опосредует собою мышление. Искусство, именуясь только непосредственной формой всеобщего духа, прежде взывает к художественному сознанию, и только затем к мышлению. Несмотря на первоначально чувственную природу эстетического восприятия, именно здесь снимается пропасть между свободой и необходимостью. Проблема гениальности, поднятая Кантом в отношении творения, опосредуется фундаментальной идеей активности субъекта. Внешнее не может определять мысль субъекта, напротив – своеобразие субъекта, его особенность, в том числе и души, определяет предмет. Суждение вкуса не является только посредником между рассудком и разумом, оно есть самодостаточность, а потому свободно от внешнего и утилитарного.

Ключевые слова:

эстетическое, суждение вкуса, субъективность, необходимость, свобода, сознание, рассудок, ноумен, разум, всеобщее, априорность, антиномия, утилитарность, идея, образ, воображение, удовольствие (неудовольствие), «свободная игра», гармония, гений, «целесообразность без цели».

The summary:

The paper considers the "Critique of the power of Judgement," the final part of the "critical" of one of the most famous classics of the XVIII century – Immanuel Kant, whose ideas formed the concept for the development of thought. Some of the tenets of his legacy in contemporary philosophy of art take for granted. Philosophy has its own form of the universal spirit, sense, as the first stage of knowledge, is not determinative, but it can not be discarded. Moreover, a sensual mediates him thinking. Arts, naming only the immediate form of the universal spirit, before appealing to the artistic consciousness, and only then to think. Despite the originally sensuous nature of aesthetic perception, it is removed the gap between freedom and necessity. The problem of genius, Kant raised in respect of creation, is mediated by the fundamental idea of the subject's activity. External can not determine the subject's thought, on the contrary – the originality of the subject, its feature, including the heart, identifies the object. Judgement of taste is not the only mediator between intellect and mind, it is self-sufficient, and therefore free from external and utilitarian.

Keywords:

aesthetic, judgments of taste, subjectivity, necessity, freedom, consciousness, mind, nomen, intellect, universal, a priori, antinomy, utility, idea, image, imagination, pleasure (displeasure), "free play", harmony, genius "expediency without purpose".

Философские идеи великого немецкого классика XVIII века Иммануила Канта всегда будут актуальными. Его влияние на современные философские дискуссии отмечают многими авторами [1, с. 74]. При этом «у каждого свой Кант» [2, с. 50], что логически следует из его глубокой и многогранной системы.

В кантовском понимании, философский предмет подразделяется прежде всего на две сферы – теоретическую и практическую. Теоретическая философия, исследуемая

им в «Критике чистого разума», отвечает на вопрос о границах нашего познания («вещи в себе»). Здесь мы имеем дело лишь с явлением, выражающимся в опыте. Все, что вне его, представляется антиномичным и непознаваемым. Впрочем, мыслитель приходит к выводу, что формы связи мира и познающего его субъекта основаны на отношении необходимости.

Практическая философия рассматривается им в «Критике практического разума», поднимающей вопросы морального поведения (нормативное сознание). Как отмечает Л. А. Калинин, «относительная самостоятельность сознания, выражающаяся в свободе человеческих действий, абсолютизируется Кантом и представляется в виде свободы как «способности действовать независимо от законов природы», «начинать событие заново» [3 1, с. 54]. Здесь человек выступает как существо самостоятельное, не обусловленное внешней необходимостью. Практический разум познает не внешние объекты, а себя самого, свой внутренний мир, который кенигсбергский философ относит к сфере ноуменов. «Более того, смысл человеческого существования заключается в том, чтобы выходить за свои собственные пределы, быть бесконечно шире того, чем он является сейчас» [4, с. 77].

Это развитие человеческой личности осуществляется посредством «свободной игры» воображения и рассудка, которая рассматривается И. Кантом в «Критике способности суждения», посвященной вопросам эстетики.

Таким образом, мы получаем два противоположных пласта человеческого бытия – мир свободы и мир необходимости: человека, с одной стороны, самостоятельно волящего, могущего выбирать свой путь (добро или зло), и человека, подчиненного строгой необходимости в познании. Сознание человека получается разделенным пропастью познавательной способности и способности желания (или свободы). Немецкий мыслитель, на наш взгляд, поставил перед собой сложную задачу – объединить сознание, которое синтезируется им в эстетическом.

Эстетическое как суждение связывает воедино, согласно Канту, познание и желание (свободу) на основе чувства удовольствия и неудовольствия, трактуемое им как симпатия или благорасположение к предмету. Но вовсе не как приятное (Д. Юм же совмещает прекрасное и приятное). Ведь в приятном мы зависим от наличия в действительности материального объекта.

Эстетическое удовольствие всегда субъективно, но не в том отношении, что о «вкусах не спорят» (в отличие от Юма, Кант отвечает на этот вопрос антиномично), а в том – что данная способность не может быть познанием, так как не основывается на понятии. Но прежде чем вынести правильное суждение, мы должны быть свободными от всякого утилитарного интереса. Такое суждение, полученное нами *a priori*, претендует на всеобщий характер. И при этом остается субъективным, затрагивая внутреннее чувство индивида, его ноумен. Иначе оно было бы познавательным. Так, например, высказывание – «данный тюльпан желтого цвета» – представляет собой познавательное суждение; а высказывание – «желтый тюльпан прекрасен» – эстетическое, не являющееся, в свою очередь, познанием, так как выражает только внутреннее чувство индивида.

Тем не менее суждение вкуса расширяет познавательную активность. Как пишет Т.Б. Длугач, «в эстетическом суждении происходит развитие рассудка, так как нет какого-то определенного понятия, а образуются многие понятия» [4, с. 85], в «которых никакая определенная мысль, то есть никакое понятие, не может быть адекватной им» [5, с. 330].

Нравственное также отлично от эстетического, поскольку предполагает наличие определенного первоначального интереса. Между тем сами линии не могут быть нравственными или безнравственными. И цель искусства состоит не в том, чтобы высказать назидательное суждение по поводу того, добр или зол тот или иной человеческий поступок.

Иммануил Кант впервые в истории развития эстетической мысли определяет ее полную автономность. А так как «суждение вкуса определяется у Канта по принципу *als ob*, вследствие чего понятие исчезает в качестве понятия, в каком-то смысле превращаясь в образ, а образ в свою очередь расплывается, нацеливаясь на переход в понятие и т. д., становится очевидным, что идет процесс развития этих способностей благодаря тому, что каждая выступает как «предмет» для другой» [6, с. 86].

Отсюда следует, что суждение вкуса, расширяя сферу познания, определяет и формирует нравственность, способствуя развитию личности в «свободной игре». Как пишет И. Кант, «определенное понятие не ограничивает способность суждения каким-либо особым правилом познания» [7, с. 219].

Рассмотрим основное в эстетике философа понятие, а именно «целесообразность без цели». Целесообразность – это гармония предмета; сложная связь искусства и природы, имеющая свои законы, свою необходимость. Кант отмечает, что «целесообразность произведений изящного искусства преднамеренна, тем не менее, согласно ему, не должна быть таковой, т. е. на изящное искусство надо смотреть как на природу, хотя и сознавая, что это искусство» [7, с. 322].

Целесообразность без цели – это отрицание утилитаризма в искусстве, отрицание цели внешнего по отношению к самому предмету; по-другому – это свободный выбор эстетически ценного для нас.

Мы называем картину прекрасной не потому, что нам выгодно иметь такое суждение вкуса, а потому что мы действительно считаем так. Именно в эстетическом суждении высказывается уникальность и неповторимость бытия конкретного человека. Эстетическое суждение вкуса, таким образом, определяется через свободную, а потому незаинтересованную оценку. Картина прекрасна в силу того, что выполнена по законам симметрии, «золотого правила сечения», берущего свое начало из красоты природы; из ее статики, нами разумно ограниченной в силу свободной игры. Искусство должно походить на природу, а природа, в свою очередь, на «изящное произведение искусства».

И. Кант в «Критике способности суждения» пишет, что «гений есть образцовая оригинальность природного дарования субъекта (S) в *свободном* применении своих познавательных способностей» [8, с. 118]. Гений, таким образом, возможен только в искусстве. Ученый имеет дело с логическими построениями, которые ясны и легко воспроизводимы, а результат может быть использован в дальнейшем для последующих открытий. Умение же гения невозможно передать другим, потому что и понять его в полной мере невозможно. Для создания произведения искусства недостаточно знания правил; его бытие определяется эстетической идеей гения, который конструирует эти правила посредством свободы их воплощения.

Являясь по отношению к разуму сферой *a priori* и выражая при этом его уникальную субъективность, способность суждения не может стать объективным познанием (в противном случае, нам пришлось бы запоминать, что является шедевром, и определять наше суждение через общепринятое или копировать в искусстве то, что опять-таки принято считать прекрасным). Автономная способность суждения определяет независимость философии по отношению к другим сферам: познания, морали, религии, искусства. Здесь кенигсбергский классик очень современен; ведь философию нельзя «пришить» к конечной науке. Она самодостаточна, имеет свое отличное бытие, которое этим и интересно. В современной философии эта мысль переходит в понятие хаоса, мира как лабиринта с пересекающимися здесь мнениями. Суждение вкуса, получившее свое непосредственное продолжение в философии, является рефлектирующим – и, как следствие, расширяющим личность человека в его свободном становлении. Как отмечает В.В. Васильев, «ве-

лика задача Канта состоит в том, что он привил философской Европе способность критической рефлексии» [9, с. 80].

Так, в заключение отметим, что Иммануил Кант провозглашает автономность эстетического суждения вкуса от других сфер духа, представляющую собой часть сознания, не разграничивающую, а наоборот, совмещающую его первоначальную раздвоенность на теоретическую и практическую. Противоречие снимается, с одной стороны, тем, что в своей определенности вбирает их как предпосылку, но на совершенно новом уровне: определяя друг друга через совмещение (законы симметрии в природе – необходимость посредством свободного эстетического усмотрения гения переносятся им в сферу изображения); с другой стороны – «поскольку у человека имеются две способности – способность познания и способность желания и он переходит от одной к другой, должна существовать некая промежуточная сфера, в которой человек был бы свободен как от познания, так и от желания» [10, с. 82].

Ссылки:

1. Калинин Л.А. Об основном пафосе «критической» философии // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1975.
2. Васильев В.В. Маятник иллюзий: ускользнувшее Я (к вопросу о статусе субъекта в философии Канта) // Кантовский сборник. Калининград, 2006. Вып. 26.
3. Калинин Л.А. Указ. соч.
4. Длугач Т.Б. Проблема единства теории и практики в немецкой классической философии. М., 1986.
5. Кант И. Сочинения. Т. 5. М., 1994.
6. Длугач Т.Б. Указ. соч.
7. Кант И. Сочинения. Т. 5. М., 1994.
8. Гринишин Д.М., Корнилов С.В. Иммануил Кант (ученый, философ, гуманист). Л., 1984.
9. Васильев В.В. Указ. соч.
10. Длугач Т.Б. Указ. соч.

References (transliterated):

1. Kalinnikov L.A. Ob osnovnom pafose «kriticheskoy» filosofii // Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta. Kaliningrad, 1975.
2. Vasil'ev V.V. Mayatnik illyuziy: uskol'znuvshee YA (k voprosu o statuse sub"ekta v filosofii Kanta) // Kantovskiy sbornik. Kaliningrad, 2006. Issue 26.
3. Kalinnikov L.A. Op. cit.
4. Dlugach T.B. Problema edinstva teorii i praktiki v nemetskoj klassicheskoj filosofii. M., 1986.
5. Kant I. Sochineniya. Vol. 5. M., 1994.
6. Dlugach T.B. Op. cit.
7. Kant I. Sochineniya. Vol. 5. M., 1994.
8. Grinishin D.M., Kornilov S.V. Immanuel Kant (ucheniy, filosof, gumanist). L., 1984.
9. Vasil'ev V.V. Op. cit.
10. Dlugach T.B. Op. cit.